

ГЛАВА 1. ТРАВЕЛОГ – ОТ АРХЕТИПА К КОНЦЕПТУ

1.1. Трактовки понятия «травелог» в современной литературе

Термин «травелог» (*travelogue*) впервые был введен в публичное обращение в 1903 году американским путешественником, фотографом и кинооператором Бертоном Холмсом (Burton Holmes), который в цикле своих открытых лекций рассказывал слушателям о собственных многочисленных путешествиях в разные страны мира, сопровождая их демонстрациями фотографий, слайдов и фильмов. Всего Б. Холмс провёл 8 тыс. выступлений, снял более 30 тыс. фотографий и более 152 тыс. метров киноплёнки. В 1950-х гг. он передал свой уникальный архив в Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе. Большую часть своих лекций Холмс изложил в серии книг под общим названием «Travelogues»³². О некоторых подробностях возникновения понятия «травелог» говорится в письме Б. Холмса, опубликованного в четвертом издании книги Генри Льюиса Менкена «Американский язык»³³.

На протяжении XX-го века в гуманитарных науках понятие «травелог» редко подвергалось специальному исследованию. В англоязычном мире под травелогом, как правило, понимался любой нарратив, фиксирующий впечатления путешественника. Его смысловыми синонимами чаще всего выступали такие понятия как «вояж», «литература путешествий» (*travel writing*), «путевая литература», «тексты о поездках»³⁴. Термином «травелог» обычно обозначались разнообразные формы отчетов о путешествиях с описанием посещаемых мест, встреч, экзотики: «Травелог – отчет о пу-

³² Burton Holmes. *Travelogues. The Greatest Traveler of His Time, 1892–1952*. Taschen, 2006. 366 pp.

³³ Mencken H.L. *The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States*, 4th Edition Knopf, 1984. 816 p. Pp. 171–172.

³⁴ Bohls E. *Travel Writing 1700–1830* / Elizabeth A. Bohls. Oxford University Press, 2005. 562 p.; Youngs T. *The Cambridge Introduction to Travel Writing*. Cambridge University Press, 2013. 256 p.

тешествии: книга, статья или фильм, описывающие места, которые люди посетили, и то, с чем они столкнулись»³⁵. Однако гораздо чаще использовалось более простое понятие – «книга о путешествии» (*the travel book*)³⁶.

В начале 2000-х гг. в Британии стали издаваться работы, в которых под травелогом уже подразумевается сложно-составная развивающаяся структура. Знаковым событием в плане теоретического осмысления типов и жанров «travel writing» стал выход в свет в 2002 г. сборника литературных трудов о путешествиях за последние 500 лет – «Кембриджский путеводитель по литературе путешествий»³⁷. В предисловии к сборнику его редакторы – Питер Халм и Тим Янг – следующим образом рассматривали сложный процесс формирования травелого как особого литературного жанра: «Даже самая ранняя английская путевая литература была отмечена сложными риторическими стратегиями. Его авторы должны были уравновесить известное и неизвестное, традиционные императивы убеждения и развлечения, а также свои личные интересы с интересами своих покровителей, работодателей и монархов. Учитывая столь разнообразные цели, ранние современные писатели – путешественники часто разрывались между доставлением удовольствия и практическим руководством, между регистрацией и оценкой, между описанием того, что произошло, и предположением о том, что могло произойти»³⁸.

Одна из проблем восприятия «путевого письма» – выделение признаков, по которым его можно было бы отнести к описанию подлинного, невыдуманного путешествия. Дело в том, что, начиная с XVII века, стали появляться фиктивные литературные путешествия, которые использовались для критики определенных иностранных привычек, внутреннего государственного устройства и даже с целью сатирического изображения самой риторики путевого письма: «Образец

³⁵ Mencken H.L. *The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States* / 4th Edition. Knopf, 1984. Pp. 171–172.

³⁶ Baldick C. *The Oxford Dictionary of Literary Terms*. OUP Oxford, 2008. 340 p.

³⁷ *The Cambridge Companion to Travel Writing* / Ed. by Peter Hulme and Tim Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

³⁸ *Ibid.* P. 30.

был задан Утопией Томаса Мора (1516), которая (для тех, кто не в курсе) выглядела точно так же, как подлинные книги о путешествиях того периода – в комплекте с картой и алфавитом утопического языка. Мор использует фикцию совершенной культуры, недавно открытой в Новом Свете, для критики экономических и политических условий Европы эпохи Возрождения»³⁹.

В своём предисловии к сборнику редакторы подчёркнули полидисциплинарный характер предмета исследования, говорили о методологических поворотах, которые повлияли на формирование новых ракурсов изучения текстов травелогов. К примеру, отмечалось большое влияние ориентализма на развитие литературы о путешествиях⁴⁰, что положило начало разработки концепции постколониализма. Ориентализм предложил особое понимание функционирования колониальных дискурсов. Ученые, работавшие на волне ориентализма, начали тщательно изучать отношения культуры и власти, обнаруживаемые в обстановке, окружении и репрезентациях текстов о путешествиях.

Еще одним импульсом для проведения актуальных исследований в области изучения текстов о путешествиях стало распространение феминистских исследований. Посредством применения к путевому письму принципов, разработанных в женской литературе, ученые сделали известными некоторых женщин, выступающими либо в качестве авторов травелогов, либо в роли объектов пристального изучения

³⁹ Ibid. P. 31–32.

⁴⁰ Ориентализм – западная дисциплина, которая приобрела самостоятельное значение в XVIII–XIX вв. Он определяет Восток не в географическом (East), а в культурном смысле (Orient). Восток рассматривается как элемент западной «воображаемой географии». В сущности, такой «Восток» оказывается не более чем европейским мифом и относится главным образом к дискурсивной, а не к эмпирической реальности. Противопоставление Востока и Запада служит вариантом оппозиции «мы – они», а западное представление о себе возможно лишь в соприкосновении с конструируемым образом Востока, который наделяется «репрессированными» качествами и представляет особое дискурсивное поле – европеизированную систему знаний о Востоке как репрезентации «другого» (Башарова Г.Ф. «Теория ориентализма» Э. Саида: подход к осмыслению проблемы Восток – Запад. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_basharova.htm).

со стороны наблюдателей. В центре внимания оказался вопрос об отношении между женщинами как наблюдателями и женщинами как наблюдаемыми. Как в колониальных исследованиях, так и в контексте феминистского направления, вопрос о том, чем отличаются женщины-путешественницы от путешествующих мужчин по тому, как они пишут, о чем пишут и что репрезентируют в своих травелогах, до сих пор считается дискуссионным.

В предисловии к «Кембриджскому путеводителю по литературе путешествий» также отмечалось, что помимо литературоведения и женских исследований, можно выделить три дисциплины, которые больше всех других занимались описанием путешествий, это – антропология, история и география. Социология же, по мнению авторов, известна тем, что занялась распространением проблематики травелога на изучение туризма и других практик путешествий. Кроме того, существенный вклад в повышение внимания исследователей к изучению травелога внесла такая дисциплина как «теория перевода», которая привнесла в анализ травелога еще одно измерение, заставив задуматься не только о способах и приемах перевода, но и об искусстве межкультурной коммуникации.

Определенный вклад в разработку проблематики, связанной с раскрытием обусловленности оптики травелога спецификой его идейно-исторического контекста, внесла опубликованная в 2006 г. книга Джона Демарея «От паломничества к истории: ренессанс и глобальный историзм»⁴¹. В ней раскрывалась прямая связь между способами описания путешествий и особенностями развития исторического знания. Дж. Демарей выделяет идеологические параметры в рассказах о путешествиях, проливает свет на характер идеологической борьбы, происходившей в дискурсе травелога, начиная с конца XVI века. Его основной целью является показ того, как под влиянием новейших философско-исторических концепций происходит преобразование библейских постулатов. Рождение нового историзма датируется им началом XVII века. Собрания сочинений Ричарда Гаклюйта⁴² рассма-

⁴¹ Demaray G. From Pilgrimage to History / The Renaissance and Global Historicism. New York: AMS Press, 2006. 250 p.

⁴² Известный английский путешественник, автор трехтомного труда (Hakluyt R. Collection of the Early Voyages,

триваются в работе как пример смешения старого историзма, исповедующего провиденциализм и нового историзма, опирающегося на рациональный подход и эмпирику. Примером рационального осмысления библейского сюжета, согласно Демарею, выступают работы Самуэля Перчейса⁴³. Две главы в работе Дюмарея посвящены анализу «Краткой истории Москвы» и «Потерянному раю» Джона Милтона⁴⁴, в которых автор видит окончательное становление принципов историзма эпохи Модерна.

Понятие «травелог» в зарубежной литературе нередко используется для обозначения национальной идентичности. Так, к примеру, в «Кембриджском путеводителе по американской литературе путешествий» говорится о тесной связи литературы о травелогах с конструированием американской идентичности: «Занимая пространство между фактом и вымыслом, эта литература обнажает культурные установки и раскрывает изменяющиеся желания и опасения как путешественника, так и читающей публики»⁴⁵. В данном путеводителе по американской литературе путешествий отмечается, что нация «неутомимых эмигрантов» должна, по определению, сохранять интерес к путешествиям. Американская литература путешествий подчеркивает эту связь и развивает ее, решая комплексные идеологические и культурные задачи. Она одновременно раскрывает как внутрикультурные, так и межкультурные противоречия и их последствия. Она конструирует национальные черты характера и ландшафт, погружает читателей в эти характеры и ландшафты, используя специфические жанровые модели.

В сборнике «Романтические местности: Европа пишет место», вышедшем под редакцией Кристофа Бодфа и Жаклин

Travels, & Discoveries of the English Nation: In 3 vols. L., 1598–1600).

⁴³ Сэмюэл Перчас (1577–1626) – английский священник и редактор, составивший несколько сборников сочинений о путешествиях и исследованиях. Его главный труд – «Пилигримы» – был опубликован в четырех томах в 1625 году.

⁴⁴ Джон Милтон (1608–1674) – автор работы «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих к востоку от России вплоть до Китая, собранная из трудов нескольких очевидцев».

⁴⁵ Romantic Localities: Europe Writes Place / Ed. by Christoph Bode and Jacqueline Labbe. L.: Pickering & Chatto, 2010. 309 p. (The Enlightenment World). P. 1.

Лаббе, рассматриваются не столько формы фиксации опыта, сколько «впечатления», причем в первую очередь местные, домашние. Местность – не просто фон для развития событий (домашний и уютный или экзотический и неведомый), она связана с внедрением в литературный текст элементов идентичности или идентичностей; она впечатляет читателей контрастом между «домом» и «чужим местом»; она позволяет авторам моделировать чувство субъективности, которое опирается на определение известного и в то же время расширяет пределы известного. Эта плодотворная концепция позволяет соотносить травелоги с иными аспектами представлений о пространстве. Например, местность «как реальное место» и «как концепт» – для романтической эпохи, которой посвящены материалы сборника, это противопоставление особенно актуально. В первом случае обеспечивается «колорит», во втором – место принадлежит чаще всего «иному миру».

Травелог, считают авторы работы, начинается с интереса к месту в культуре; местность становится конечной точкой и приводит к совершенно новым пониманиям локального. Писатели исследуют места, в которые путешествуют, в которых живут, в которые эмигрируют; создают метафорические географии, трансформируют некое место в Иное. Исследователи травелогов ставят важные методологические вопросы, основной из которых следующий: «Когда романтики пишут о месте, значит ли это, что они его создают»?⁴⁶ С ним связаны еще такие вопросы: возможно ли вообще воссоздать место, отразить его более или менее точно в описании путешествия, уловить его дух? Где лежит грань между реальным опытом путешественника и созданными им образами? Ответы на них требуют обращения к категории идентичности – идентичности места в исторической ретроспективе и перспективе.

Анализ литературных травелогов закономерно приводит к рассуждению о пространстве и времени, к «культурной практике осмысления времени в формах пространства»⁴⁷, к необходимости изучения хронотопа дискурса путешествий.

Вопросы теоретико-методологического осмысления современных трансформаций травелога оказались в фокусе внимания «Рутледжского путеводителя по изучению лите-

⁴⁶ Ibid. P. 3.

⁴⁷ Ibid. P. 7.

ратуры путешествий»⁴⁸. Здесь следует назвать статью Клэр Линдсей «Литература путешествий и постколониальные исследования»⁴⁹, в которой автор утверждает, что интерес к написанию путешествий с позиции глубоких изменений в политической расстановке сил, происшедших после Второй мировой войны, был частью необходимого переосмысления мира, вызванного послевоенными движениями сопротивления и освободительными войнами в бывших европейских колониях, как и последовавшие за этим волны иммиграции. Обращаясь к современным травелогам, осуществляемым в эпоху глобализации, Линдсей отмечает, что посредством понятия «постколониальный» не удастся уловить главные особенности, характерные для данных путешествий. Происходящие трансформации в современном дискурсе травелога объясняются, прежде всего, неолиберальной природой глобализации, что предполагает учет таких важных факторов как трансконтинентальный и трансокеанский характер пролагаемых маршрутов. Кроме того, мощное влияние на формирование представлений о современном устройстве мира оказывают разнообразные индустрии транскорпораций, что ведет к соответствующему переформатированию дискурса травелога.

Определенное продолжение методологические поиски, направленные на формирование современного концепта травелога, получили в работе Джона Калберта «Теория и пределы путешествий» опубликованной в периодическом издании «Studies in Travel Writing»⁵⁰. Автор статьи считает, что базовым основанием, определяющим идейный характер современного концепта травелога, является такой признак как «критика неолиберализма»: «Широко распространенная сегодня среди гуманистов критика неолиберализма, по-видимому, отражает повышенную критическую чувствительность к экономическим проблемам». Другой важной методологической характеристикой современного травелога

⁴⁸ The Routledge Companion to Travel Writing / Edited by Carl Thompson. 2015. London: Routledge. 560 p.

⁴⁹ Lindsay Claire. Travel Writing and Postcolonial Studies // The Routledge Companion to Travell Writing. 2015. Chapter 3.

⁵⁰ Kalbert J. Theory and the limits of travel // Studies in Travel Writing. 2018. № 22:4. Pp. 343–352. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13645145.2019.1624072>.

выступает обращение к парадигме мобильности, разработанной Шелли и Урри): Авторы «новой парадигмы мобильности» указывают, что различные исследовательские проекты по мобильности могут сами включать путешествия, и они предполагают, что в дополнение к своей научной работе ученые могли бы использовать эти условия исследования как возможность для критического осмысления».

Калберт выделяет еще один методологический момент, определяющий способ теоретического анализа травелога: это – учение М. Фуко о порядке дискурса и дискурсивной власти. Рассказы о путешествиях, считает автор, принадлежат «дискурсу», то есть порядку репрезентации, который, будучи насыщен властью, не является ни полностью контролируемым, ни полностью избегаемым. Согласно Фуко, говорить, значит, и оспаривать, и подчиняться порядку дискурса, и свобода заключается (только) в этом согласовании с разрешающими ограничениями. Данный вывод наводит на мысль о том, что дискурс травелога является одной из форм дискурсивного насилия, совершаемого над миром и его обитателями.

В отечественной литературе одним из первых термин «травелог» употребил в качестве обозначения предметной области своих творческих изысканий Александр Эткинд в книге «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах», изданной в 2001 году⁵¹. В своей работе Эткинд не дает определения травелогу. Для него травелог – это всего лишь способ перехода к описанию «Другого», это путь, позволяющий выстраивать исторические параллели.

Отметим, что в современной литературной практике стало популярным называть травелогом самые разные авторские путевые заметки и произведения, в которых лишь часть сюжета разворачивается во время путешествия. Так, в 2007 г. было опубликовано сочинение В.И. Соловьева «Как я умер», названное «субъективным травелогом»⁵². В 2008 г. в России

⁵¹ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

⁵² Соловьев В.И. Как я умер. Субъективный травелог. М.: Рипол Классик, 2007. 720 с.

вышел в свет «мужской роман-травелог» С. Кибальчича «Поверх Фрикантрии, или Анджемо и Изабелла»⁵³.

Впервые вопрос о необходимости комплексного изучения дискурса травелога как сложноструктурированного феномена был поставлен авторами сборника статей «Дискурс травелога» в 2009 году⁵⁴. В Предисловии к сборнику говорилось о широком многообразии проявлений дискурса травелога: «это и сухие отчеты об экспедициях географов и путешественников, приключенческая и фантастическая художественная литература, это и «странствия души» (ученой или чувствующей и переживающей) в поисках сущностей и смыслов, это и всевозможные «путеводители» и справочники по «странам и континентам», это и современные блоги в Мировой Паутине»⁵⁵. В одной из его статей проводился анализ образов Пути и Путника, представленных в дискурсе травелога⁵⁶.

В 2010-м году в Екатеринбурге выходит из печати Научно-практический альманах «Дискурс-Пи» (№ 10), имеющий подзаголовок «Дискурс травелога». В данном выпуске был представлен опыт дискурс-анализа архетипических категорий травелога (Путь, Путник, Подвиг, Странник, Паломник, Скиталец и др.), обозначаются основные подходы к раскрытию его смысложизненных характеристик.

В 2012–2014 гг. происходит важный теоретико-методологический поворот в проведении дискурсивного анализа травелога уральскими учеными. Впервые в рамках VI Российского Философского Конгресса ими был организован круглый стол, посвященный изучению дискурса травелога⁵⁷.

⁵³ Кибальчич С. Поверх Фрикантрии, или Анджемо и Изабелла. СПб.: Петрополис, 2008. 288 с.

⁵⁴ Дискурс травелога. Сборник статей / авт. – сост. О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, ИМС: ИД «Дискурс-Пи»: Уральский финансово-юридический институт, 2009. 190 с.

⁵⁵ Там же. С. 7.

⁵⁶ Русаков В.М. Дискурс травелога: образ Пути и Путника в мировой культуре // Дискурс травелога. Сборник статей / авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург: ИМС: ИД «Дискурс-Пи»: Уральский финансово-юридический институт, 2009. С. 131–139.

⁵⁷ Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД

В связи с возражениями, высказанными рядом известных философов на заседании Программного комитета VI Российского Философского Конгресса относительно использования термина «травелог» в названии круглого стола, круглый стол, который первоначально планировалось назвать «Дискурс философского травелога», пришлось переименовать в «Дискурс философского Пути».

Дискурс травелога, говорилось в установочной статье к материалам круглого стола, включает в свою смысловую орбиту множество концептов и метафор, представляющих разнообразную трактовку и эмоционально-образные запечатления Путешествий – реальных и виртуальных, когнитивных и культурно-символических, темпоральных и пространственно-географических, земных и космических»⁵⁸. Специально отмечалось, что «дискурс травелога глубоко насыщен элементами переживаний пограничных ситуаций *выбора Пути, поворотов Судьбы*, включает в свою структуру новые знаковые и символические *встречи-столкновения с Другим, Иным*. Встречи с Другим и Иным порождают особую разновидность дискурса травелога – дискурс постижения странного и нового в процессе преодоления культурных, ментальных и иных коммуникативных барьеров. Иначе говоря, дискурс травелога имманентно содержит коммуникативную составляющую, интенционально направленную на вхождение в диалог с другими мирами». Присущая дискурсу травелога коммуникативная направленность на диалог по отношению к Другому, Иному, Незнакомому придает дискурсу травелога особый эмоциональный заряд, который в итоге может привести к качественному эпистемологическому и когнитивному скачку, называемому термином «Открытие». В экстремальных условиях, связанных с рисками для жизни, в дискурсной структуре травелога отчетливо проявляются приключенчески-авантюрные компоненты: «Авантюра – это, по сути, рискованное приключение, связанное с экстремальными видами деятельности». Согласно Георгу Зиммелю, приключение – это всегда прерывание ритма привычной жизни, перенесение в мир «странного». Владимир Янкевич в своем исследовании дискурса путешествия обращает внимание на отличия между путешествием-приключением

«Дискурс-Пи», 2012. 128 с.

⁵⁸ Там же. С. 6.

и путешествием авантюрой. В первом случае путешествие нацелено на приобретение экзотического опыта. Здесь искатель приключений – это человек, для которого травелог является привычным стилем жизни. Для путешественника-авантюриста травелог является средством рискованного заработка, быстрого обогащения⁵⁹.

В вышедшем в 2013 году научном журнале «Дискурс-Пи», посвященном исследованиям дискурса мобильности, получила своё развитие тема одновременного включения в концептуальные ряды дискурса травелога и дискурса мобильности таких категорий как Передвижение, Номадизм, Путешествие⁶⁰. В том же номере журнала давался развернутый анализ концепта «человека движущегося», скитающегося по странам и континентам, выступающего субъектом современного постфордистского травелога, осуществляемого в обществе текучей современности⁶¹.

В научном журнале «Дискурс-Пи» № 4 (17) за 2014 год был выделен ряд методологических подходов к изучению дискурса травелога, а также рассматривались диахронические и синхронические аспекты функционирования данного дискурса. Отмечалось, что в гетерогенной структуре дискурса травелога присутствуют следующие компоненты: а) архетипические концепты-категории; б) мифологические и мифопоэтические образы; в) рациональные схематизмы и рационально-теоретические компоненты (понятия, теории, картины мира); г) элементы фантастических и иррациональных представлений⁶².

⁵⁹ Малышев М.А. Георг Зиммель и Владимир Янкевич: феноменология приключения // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». Выпуск 3: Дискурс толерантности в глобальном мире / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2003. С. 82–84.

⁶⁰ Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 19–25.

⁶¹ Русаков В.М. Homo viator – через призму его травелогов на рубеже XX–XXI вв. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 31–35.

⁶² Русаков В.М., Русакова О.Ф. Методология дискурс-исследования травелога // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (17). С. 12–18.

С 2013–2015 гг. в отечественных исследованиях вспыхивает настоящий бум работ о травелогах, появляются не только отдельные статьи, но – и монографии, сборники материалов научных конференций, посвященные данному явлению, одна за другой защищаются диссертации. В ходе исследований разрабатываются концептуальные подходы к осмыслению дискурсивных компонентов травелога, производится классификация его жанровой структуры. Наиболее интересными в этом плане представляются исследования Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова⁶³, Е. Б. Мартынюка и М. Ю. Лукиновой⁶⁴, Е. Р. Пономарева⁶⁵, А. А. Майга⁶⁶.

Важными научными событиями в плане реализации проектов по созданию аннотированных указателей русских травелогов XVIII–XX вв. являются выход в свет в 2015 г. и в 2016 г. двух коллективных монографий: «Русский травелог XVIII–XX веков»⁶⁷ и «Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы»⁶⁸.

⁶³ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013; Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в травелогe нового времени // Культура и текст. 2014. № 3. С. 22; Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Путешествия по российским рекам: травелог нового времени // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 106–116.

⁶⁴ Мартынюк Е. Б., Лукинова М. Ю. К вопросу об определении термина «Травелог» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практической конференции / Главный редактор М. В. Норец. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2017.

⁶⁵ Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. 2-е изд. СПб.: СПбГУКИ, 2013; Пономарев Е. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2.

⁶⁶ Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра / А. А. Майга // Филология и культура. 2014. № 3. С. 254–258; Майга А. А. Африка во французских и русских травелогах (А. Жид и Н. Гумилев): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 234 с.

⁶⁷ Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской; Мин-во образования и науки РФ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 656 с.

⁶⁸ Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой; Министерство образования

Во вводной статье Т.И. Печерской к изданию 2016 года дается следующее определение травелога: «Травелог понимается как вид документальной литературы, объединяющей различные жанры (служебный отчет, дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, письма, мемуары, очерки и пр.). Главным условием, при котором документальный текст травелога включается в указатель, является наличие/описание маршрута путешествия (как «сюжетообразующего» начала), выражения личного отношения к увиденному, передача личных впечатлений, отношение к окружающему как другому/чужому/новому»⁶⁹.

Далее автор говорит об особенностях репрезентации пространства в травелоге: «Пространство путешествия-травелога должно разворачиваться динамично, что принципиально отличает его от пространства локальных текстов (сибирский текст и т. п.). В основе разворачивания пространства должно лежать перемещение путешественника из одного места в другое (выделено нами)⁷⁰.

Среди отечественных исследований травелога считаем необходимым особо отметить работы Кублицкой О.В.⁷¹, в которых в научный оборот вводится понятие травелогемы как структурно-семантической модели организации путевой литературы, производится попытка систематизации различных жанрово-композиционных форм рассказа о путешествии с позиции выделения трёх доминирующих элементов:

и науки РФ; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.

⁶⁹ Печерская Т.И. Проект «Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы»: к постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Министерство образования и науки РФ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8.

⁷⁰ Там же. С. 12.

⁷¹ Кублицкая О.В., Мальцева Т.В. Травелогема: к определению объема понятия // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2017. № 6. С. 162–167; Кублицкая О.В. Десинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 271–275. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/12.html.

1) субъекта (кто путешествует?); 2) десинации (куда направлен вектор путешествия?); 3) интенции (с какой целью?).

Десинация как структурный компонент травелога, связанный с рецепцией пространства, согласно О.В. Кублицкой, может восприниматься как: *совокупность географических реалий* – подробное описание географических, натуральных, природных феноменов; *вражеская территория* (описание диспозиций, разрушений, войск в ландшафтно-географическом контексте); *сакральная территория* (описание значимых для паломника символов, связанных с определенной религиозной практикой); *инокультурная территория* (описание инокультурных архитектурных и иных памятников; *пространство персонального смысла* (описание ассоциативных рядов, возникающих в сознании путешественника при посещении определенных мест). Отмечается, что восприятие пространства, выступающего системообразующей категорией травелога как текста, может трансформироваться в зависимости от образа мира, который он транслирует. Опираясь на специфику рецепции пространства, считает автор, «мы устанавливаем взаимосвязь с конкретными жанровыми моделями путевой прозы, что позволяет говорить об эволюции образа пространства-десинации в рассказах о путешествии»⁷².

Нередко под травелогом авторы понимают мотивы и состояния путешествия, и тогда возникает понятие «антропология путешествия». К основным мотивам отправления в путешествие обычно относят: поиск новизны и свободы, погоня за сменой впечатлений, стремление к личностному преображению и обновлению, реализация самых неожиданных желаний, включая эротические, сексуальные. К примеру, в книге Эрика Лида, посвященной анализу мышления путешественника, говорится о том, насколько радикально в антропологическом плане изменились в современную эпоху представления о путешествии, его ценностные ориентиры и смыслы: «Древние оценивали путешествие как веление судьбы и неизбежности; для современников это выражение свободы и ухода от неизбежности и обреченности. Древние видели в путешествии страдание и даже искупление, для

⁷² Кублицкая О.В. Десинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 273. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/12.html.

современников это удовольствие и путь к удовольствиям»⁷³. Описывая исторический путь трансформаций в мотивации путешествий, в изменении конфигураций его смыслов, Лид приходит к выводу, что эволюция путешествия в эпоху модерна и постмодерна венчается торжеством индустрии туризма, связанной с культурными практиками консюмеризма.

В статье А.В. Головнёва «Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie*» раскрываются особенности стилей и мотиваций путешествий, начиная с восточного путешествия китайского дипломата Чжань-цзяня (138 г. до н.э.), выходящего тринадцатилетний дипломатический тур с целью открытия для Китая торговых и миссионерских контактов со странами Центральной Азии, до работ современного писателя-путешественника Жана Морриса, в которых впечатления автора об Италии тонко переплетаются с рецепциями сексуального характера⁷⁴. Статья завершается анализом селфи как новейшей технологией самозапечатления и способа самореализации туриста-консьюмериста, для которого окружающий мир – это декорация для себя. Обобщая свой исторический обзор разнообразных мотиваций путешествий, Головнёв определяет его смысловые параметры следующим образом: «Путешествие – это право на чужое, на освоение и присвоение мира и в то же время способ утверждения себя в этом мире. Это состояние преобразований, игр с реальностью, запечатлений себя в иных измерениях. Туризм стал самой устойчивой модой и самой мощной индустрией мира, завершив собой эпоху дискавери. Путешествующий мир путешествует уже сам в себе, мультиплицируя туры и маршруты за счет виртуальности. И все же в путешествии остается нечто привлекательно естественное: ...для паломника – путь к святыню, для антрополога – «поле». Таким полем может быть и само путешествие, в котором как в лабиринте, не видно выхода, зато состояние-в-пути оказывается особо значимым для самопознания человека»⁷⁵.

⁷³ Leed E.J. The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism [Text] / E.J. Leed. New York: Basic Books, 1991. 328 p. P. 8.

⁷⁴ Головнёв А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 8–14.

⁷⁵ Там же. С. 15.

С понятием «антропология путешествия» современные исследователи связывают также наличие в сознании субъекта когнитивной ситуации, в основе которой лежит поиск экзотических впечатлений и переживаний, достигаемых посредством перемещения в «дальние страны». Д.Н. Замятин с позиций данного антропологического подхода характеризует путешествие следующим образом: «Экзотика и экзотизм – важнейшие составляющие практически любого путевого описания или записок о путешествии. Чем более резок перепад впечатлений, визуальных образов и между обыденным, привычным миром постоянной локализации и миром необычным, волнующим, практически неизвестным, тем в большей степени формируются экзотические пространственные/географические образы пересекаемой местности»⁷⁶. Сегмент экзотизма, считает автор, является существенным компонентом ментальной модели путешествия. При этом, с его точки зрения, жанры журналистских тревелогов, которыми сегодня заполнены СМИ и Интернет, не могут являться путешествиями в полном смысле этого слова, поскольку ориентированы на «механическую» фиксацию достопримечательностей, на описание стандартного набора однообразных эмоций и переживаний, то есть, не содержат впечатлений, трансформирующих ментальное пространство путешествующего, что выступает когнитивным основанием самого путешествия⁷⁷. Именно данная антропологическая характеристика, по мнению Замятина, свойственна профессиональным путешественникам – участникам научных экспедиций, индивидуальным и групповым акторам, чьи действия направлены на достижение экстремальных целей (восхождение на высочайшие вершины мира, пересечение океана, посещение труднодоступных территорий и т.п.). Путешествие в результате такого его видения «порождает все новые и новые географические образы, формирующие уникальные пространственные конфигурации. Пространство-как-бытие движется, подвижно путешествиями, обеспечивающими его со-пространственность самому себе»⁷⁸. В итоге путешествие

⁷⁶ Замятин Д.Н. Постномадизм: пространственные антропологии путешествий // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 19.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 20.

представляется в качестве своеобразного «вечного двигателя», «за счет работы которого наращиваются, расширяются экзистенциальные интенсивности земных пространств»⁷⁹.

В эпоху постмодерна и информационной революции, когда высокий уровень мобильности становится атрибутивным свойством современного бытия, возникает феномен постномадизма, существование которого, по мнению Замятина, следует связывать с когнитивными изменениями, происходящими в области понимания сути путешествий как важного элемента человеческой экзистенции⁸⁰. Мобильность, став тотальной силой эпохи глобализации и постмодерна, трансформирует видение и ощущение пространств, которые «локализируются в ментальном плане как «пучок» социокультурных образов, представляемых как «реальность»⁸¹. В понятии и образе экзистенциального пространства, считает автор, «заложен потенциал саморазвития: в ходе такого саморазвития экзистенциальное пространство может структурироваться, самоорганизовываться с помощью своего рода «реперных точек» – образных локусов, часть которых, несомненно, может носить сакральный характер»⁸². Постномадизм формирует новые представления о пространственности и «сцепках» культурно разнородных пространств, которые Замятин обозначает понятием «сопространственность».

«Итак, постномадизм, – пишет Замятин, – это стремление вообразить и осмыслить путешествие как тотальную экзистенцию пространственности, понятой онтологически как сопространственность»⁸³.

В период усиления процессов глобализации активно развивается индустрия туризма, которая делает массовым явлением современные практики маркетизации путешествия как формы транскультурной коммуникации, удовлетворения потребностей к открытию нового, к повышению уровня статусности и самореализации. Глобальный характер туристической индустрии превращает путешествие в продаваемый потребительский товар со всеми вытекающими из этого последствиями.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 22.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 23.

Владимир Волков в процессе раскрытия маркетинговой подоплёки современного массового туризма, характеризует его как некий симулякр настоящего путешествия: «Современный туризм зачастую разрушает онтологический базис путешествия, выполняя роль его симулякра, двойника, гипертрофируя эффект присутствия. Потребление в ритуальной форме «выделенных мест» сопровождается насильственным оживлением, реанимацией старых событий в виде легенд, сказок, мифов, небылиц, придуманных для того, чтобы лучше продать товар. От потребления таких «культурных ценностей» остается ощущение розыгрыша и фальши, подделки и пустоты. Тем не менее, «туризм пытается сформулировать, выразить, использовать идеал, цель, мечту, энтелехию и эксплуатировать их в своих рекламных целях. Даже в своих театрализованных формах туризм переживается как настоящая, подлинная, истинная жизнь».

В целом, автор не разграничивает жестко понятия «путешествие» и «туризм», поскольку находит у них много общих черт, в том числе и в плане базовых мотиваций: «Современный человек превращается в туриста не от безделья, а потому что он не доволен собой и миром. Его основная мотивация – вырваться, уйти в другую реальность, сбежать от серости, рутины, обыденности». Как и путешествие, туризм, по его мнению, интенционально нацелен на обретение экзистенциальной свободы. Однако, в отличие от путешествия, данное обретение часто оказывается призрачным. Вместе с тем, туризм позволяет обрести новый духовный опыт, выходящий за пределы эмпирической реальности, содержит стремление к миру трансцендентности. Это также говорит о глубокой схожести туризма и путешествия. В этой связи Волков отмечает: «Туризм – это один из способов приобщения к упоительной, но эфемерной экзистенциальной свободе. Такая свобода по окончании путешествия может показаться самообманом, но само путешествие самостоятельно, автономно, первично, изначально, фундаментально. В нем находят выход потребности человеческой души. Источник их удовлетворения обретается за горизонтом эмпирической реальности. Это как бы некое Зазеркалье: там есть то, чего нет здесь. Туризм делает достоянием настоящего опыт, претендующий на принадлежность вечности, стремится опередить время, преодолеть его, победить смерть. В нем всегда есть стремление к трансцендентному, к некому метафизическому

пласту, выходу за границы материальной данности и сферы сознательного»⁸⁴.

Заметим, что ни А.В. Головнёв, ни Д.Н. Замятин, ни В. Волков не обращаются к понятию «травелог», а пользуются исключительно термином «путешествие». Тем не менее, в своих работах они говорят об интенциях и мотивациях путешествий, которые, с нашей точки зрения, могут быть представлены в качестве одного из структурных компонентов травелога, а именно, – интенциональной его части⁸⁵.

С нашей точки зрения, понятие «травелог» можно коротко определить как *креативно-практическую деятельность субъекта (или актора), направленную на организацию и проведение работ по сбору, изучению и репрезентации новых данных об объектах действительности.*

Структурно травелог можно представить в виде четырех-частной схемы:

1. Субъектная часть травелога:

1.1. *Актор (или акторы) травелога* (путешественники, паломники, мореплаватели, торговцы, дипломаты и др.);

1.2. *Миссия травелога*, которая для его акторов складывается из двух типов «заданий»:

– «*внешнее задание*» (божественное или метафизическое, государственное, коммерческое, научное), имеющее следующие цели: посещение сакральных мест и обретение сакральных объектов; совершение географических и этнографических открытий; колонизация новых территорий; приобретение коллекционных материалов и др.;

– «*внутреннее задание*» (личные и групповые цели, мотивы отправления в путешествие, познавательные, прагматические и иные интересы);

2. Проектная часть травелога:

2.1. *составление плана реализации травелога:*

⁸⁴ Волков Владимир. Глобализация, номадизм и онтология туризма // Вестник Европы. URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/globalization-nomadism-and-ontology-of-tourism.html>. Дата публикации: 05.02. 2017.

⁸⁵ Напомним, что согласно О.В. Кублицкой, структура травелога включает следующие компоненты: 1) субъект или актор путешествия; 2) десинация (направление вектора путешествия); 3) интенции (мотивы и цели путешествия).

-
- разработка маршрута, определение мест пребывания (локаций) и их временных рамок;
 - прогнозирование возможных угроз и барьеров для выполнения миссии;
 - планирование поисковых работ, способов фиксации и описания встречаемых объектов;
 - разработка плана коммуникаций с местным населением;

2.2. *организация ресурсного обеспечения проекта:*

- финансовое обеспечение проекта из разных источников (государственный бюджет, бюджет коммерческих и общественных организаций, частные пожертвования, личные средства);
- организация транспортных ресурсов;
- создание команды с распределением исполнительских функций;
- продовольственное обеспечение команды;
- научно-техническое и информационное обеспечение проекта;

3. Перформативная часть травелога:

3.1. *реализация плана передвижения по заданному маршруту и пребывания в намеченных местах;*

3.2. *осуществление поисковой и коммуникативной деятельности:*

- сбор данных, коллекционного материала;
- описание новых объектов и коммуникативных акций;
- документальная фиксация полученных данных с их оценочной, аналитической и иной обработкой;

3.3. *доставление полученных материалов к их потребителям;*

4. «Осадочная» часть травелога:

4.1. *оформление полученных в травелоге данных и личных впечатлений в разнообразные формы репрезентации (литературные, научные, фотографические, кинематографические, интернет-медийные);*

4.2. *презентация материалов травелога перед заинтересованными кругами, ведущая к их (материалов) информационному продвижению и к росту репутационного капитала у самих акторов травелога;*

4.3. *трансформация взглядов на действительность самих акторов травелога и публики под воздействием репрезентационного материала.*

С учетом существующих подходов к концептуальному осмыслению понятия «травелог», мы предлагаем следующее наиболее общее его определение: *Травелог – это форма креативно-практической деятельности субъекта (акторов), направленная на выполнение определенной миссии, которая связана с преодолением в ходе её реализации естественных (природных, географических, этно-культурных) и «искусственных» (лингвистических, коммуникативных, экономических, политических, технологических и др.) трудностей, и ставящая своей конечной целью получение новых данных, впечатлений о действительности, которые репрезентируются в разнообразных формах (текстовых, визуальных, медийных), представляющих интерес для общественности.*

Проведенный нами обзор работ, в которых авторы стремятся теоретически осмыслить понятие «травелог» или родственных ему по смыслу терминов («путешествие», «туризм», «путевое письмо» и др.), свидетельствует о том, что тема травелога еще далека от её многостороннего и глубокого теоретико-методологического исследования.

1.2. Концептуальная структура травелога: диахронный аспект

Травелог как форма творческого освоения мира человеком проделал большую эволюцию вместе с человеком и его историческим развитием: менялись способы социально-исторической жизнедеятельности человека и человечества, происходила смена способов предметно-практического и духовно-практического освоения (осмысления) мира человеком. Первоначальная, древняя форма освоения мира в мифопоэтических и мифологических практиках подвергалась расслоению: выделялись искусство, религия, философия, наука, мораль, литература. Но центральная смысловая идея обязательного прохождения некоего Пути, в процессе которого человека, совершающего его, поджидает множество трудностей и испытаний – остается в ядре всех продуктов человеческой культуры. Это показывает нам многообразие видов и жанров травелога. Взглянуть на саму жизнь человека (а в мифах и религиях народов мира – и на смерть) как на путь, представить ее как Великое путешествие, исполненное многих опасностей – вот смысложизненное значение травелога.